

На правах рукописи

ЛОБАНОВ Юрий Сергеевич

**ФЕНОМЕН ОГРАНИЧЕНИЯ В РАЗВИТИИ
РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ**

09.00.13 – философская антропология, философия культуры

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Омск – 2011

Работа выполнена на кафедре философии
ФГБОУ ВПО «Омский государственный педагогический университет»

Научный руководитель: доктор философских наук, профессор
Федяев Дмитрий Михайлович

Официальные оппоненты: доктор философских наук, профессор
Пивоваров Даниил Валентинович;
кандидат философских наук, доцент
Бахтызин Александр Михайлович

Ведущая организация: Курганский государственный университет

Защита состоится 27 декабря 2011 г. В 10.00 часов на заседании совета по защите докторских и кандидатских диссертаций Д 212.177.03 при Омском государственном педагогическом университете по адресу 644099, г. Омск, наб. Тухачевского, 14, ауд. 212.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Омского государственного педагогического университета.

Автореферат разослан 25 ноября 2010 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Л. А. Максименко

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования определяется, во-первых, тем, что развитие культуры вне ограничения невозможно: условием продвижения вперед является закрепление найденных решений повторяющихся задач, а значит, установление границ. Очевидно, что некоторые факторы ограничения положены внешними условиями, в других обнаруживается самоограничение, в той или иной степени осознанное. Но и внешние факторы так или иначе преломляются в самосознании культуры. В истории некоторых культур ограничение играло особенно важную роль и выступало в наиболее «чистых» формах. Одной из них является русская культура, поэтому изучение феномена ограничения в развитии русской культуры дает ключ к пониманию эволюции культуры как таковой.

Во-вторых, проблема ограничения прямо связана с вопросом о выборе и коррекции пути развития, который является особенно актуальным для современной России, культура которой наследует сущностные характеристики традиционной русской и советской культуры, хотя бы в форме отрицания старого. Корни многих современных проблем российского общества лежат в сфере духовности, в системе стереотипов, способностей и доминант, сформированных в советскую эпоху.

В-третьих, исследование ограничения в культуре дает богатый материал для осмысления сущностных характеристик граничного бытия, явленного культурой современной эпохи в ряде проблемных областей: маргинальности, гендерной идентичности, геополитических реалий, феномена пограничных синтетических наук. Классическая философия акцентировала метафизический аспект проблемы границы, философия экзистенциализма – антропологический аспект. Сегодня вполне естественным является обращение к культурфилософскому аспекту.

Степень разработанности проблемы и теоретическая база исследования. Тема ограничения связана с задачей типологизации культур. История философии культуры предлагает множество известных типологий с разными основаниями дифференциации, от типа организации общественного управления Вебера и распространенности способности к самопознанию у Гегеля до онтологической направленности самопознания у П. Сорокина. Наиболее эвристичными для нашей проблематики представляются концепции Г. В. Ф. Гегеля, А. Гелена, Н. Я. Данилевского, Д. В. Пивоварова, Дж. Тойнби, М. Шеллинга, О. Шпенглера, **П. А.** Флоренского, К. Ясперса. Каждая типологизация основана на той или иной возможности (способности) культуры быть свободной, но не на стремлении к творческой свободе или ограничению.

Тема ограничения творческой деятельности тесно связана с проблемой свободы. Вопросы соотношения свободы и культуры исследовались в трудах Платона, Аристотеля, М. Бахтина, В. Библиера, Р. Гвардии, А. Я. Гуревича, Г. В. Ф. Гегеля, В. Ж. Келле, М. Колесника, В. М. Межуева, Х. Ортега-и-Гассета, Г. Л. Тульчинского, А. Уайтхеда.

Проблема границы, ограниченности и граничного бытия с точки зрения онтологии широко разработана в трудах Ж. Батая, А. М. Бахтызина, Г. В. Ф. Гегеля, И. Канта.

Говоря о свободе в рамках культуры, одни авторы просто констатируют отличия одних культур от других, а другие кладут в основание типологизации какую-либо возможность культуры быть свободной, но не само стремление к свободе как таковое. Это стремление к свободе кажется самоочевидным и приводит ко многим недоразумениям и «смысловым пустотам» в концепциях.

Очевидно, что тема свободы в культуре вызывает пристальный интерес, но не получает специального рассмотрения. В истории философии пока не было такой концепции, в которой был бы раскрыт духовный аспект стремления культуры к самоограничению мышления, познания и изменения системы ценностей. Особого внимания заслуживает идея голландского социолога Гирта Хофстеде, который делит культуры по степени непереносимости неопределенности, однако не делает попытки вскрыть причины такого «избегания».

Заявленная тема затрагивает некоторые принципиальные моменты истории русской духовности, связанные с ограничением. Как разные предметы исследования, эти моменты получили определенное философское рассмотрение, однако еще не были рассмотрены как комплекс взаимодействующих факторов, а кроме того, не было целенаправленной попытки найти связь между этими феноменами и особенностями русской природы и жизненной практики. Проблему ограничения русской культуры в разных аспектах разрабатывали С. С. Аверинцев, С. А. Азаренко, А. С. Ахиезер, Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, Л. А. Булавка, Б. Вышеславцев, Б. Гройс, И. Ильин, В. Соловьев, С. Франк, Л. Шестов, Вяч. Иванов, В. Розанов, К. Касьянова, С. Г. Кара-Мурза, В. Ж. Келле, В. О. Ключевский, И. Кондаков, Ю. М. Лотман, Л. Милов, М. Эпштейн, Г. П. Федотов, Д. М. Федяев. Однако ни один из авторов не посвятил исконно русскому стремлению к ограничению специальной работы.

Одним из вариантов реализации ограничения в советской культуре стала дискуссия об идеальном, в рамках которой феномен идеалопостроения в ограниченной культуре описан Д. Дубровским, Э. В. Ильенковым, М. Лифшицем, В. А. Лазуткиным, А. Д. Майданским, Д. В. Пивоваровым.

Феномены советского искусства 1930–1940-х г. были рассмотрены Х. Гюнтером, Е. Добренко, К. Кларк, А. Неделем, И. П. Смирновым.

Изучив степень разработанности группы проблем, связанных с ограниченностью культуры, можно сказать, что проблемы свободы и ограниченности культуры вообще и русской культуры в частности являлись предметом пристального внимания философов и историков. Однако, видимо, для классической философии культура как субъект отношения к свободе не была предметом методологического обоснования. Неклассическая философия культуры не стремилась к концентрации на новых фундаментальных основаниях культуры вообще. Поэтому можно сказать, что проблема свободы, получив широкое рассмотрение в общем виде, до сих пор не становилась предметом специального исследования в аспекте культуры как субъекта. Будучи актуальной и порождая множество вопросов, рассматриваемая группа проблем не нашла ещё не только общезначимых решений, но и просто систематического обобщенного рассмотрения. Особенная нехватка идей ощущается в области осмысления русской духовной культуры советского периода, этой тематике пока посвящены считанные работы, описывающие отдельные феномены советской духовности.

Методологической основой диссертации являются:

– диалектический метод, который позволяет раскрыть парадоксальность и множественную природу феномена ограниченности. Диалектика ориентирует на рассмотрение противоречивости, а значит, непосредственного взаимного влияния духовного и материального, объектного и субъектного содержания феноменов телесности и духовности, а также рассмотрение представленности одного в другом и переходов одного в другое;

– идеи экзистенциализма, перенесенные в феноменологическую область массового мирочувствования, определяющие рассмотрение живой культуры в ее экзистенции, культуры, носящей жизненность своих конечных атомарных фактов – индивидов. Отсюда вытекает рассмотрение культуры как не только смыслопорождающего, но и смылосокращающего механизма, основанного на интуитивном чувствовании целесообразности и определенной эстетике смыслов;

– принцип синтетической духовности культуры С. Франка, который трактует духовность как разделенную на отдельные феномены, которая при этом в каком-то смысле представляет собой единство рационального, эмоционального, подсознательного и телесного компонентов, взаимно определяющих друг друга.

Основная проблема исследования может быть сформулирована в виде вопроса: каковы основания и следствия ограничений в сфере познания и творческой деятельности, порожденных историей русской культуры?

Содержательный ответ на него требует отказа от безоговорочно отрицательной оценки феномена ограничения.

Целью исследования является раскрытие феномена ограниченности творческой деятельности на материале русской культуры.

Для достижения поставленной цели нужно решить следующие задачи исследования:

- уточнить понятие «границы» в аспекте ограничения духовной деятельности;
- описать основные типы культур по степени и характеру ограничения духовной деятельности;
- выявить практические и духовные потребности русской культуры, являющиеся причинами ограничения свободы деятельности;
- установить связь между многообразными условиями существования русской культуры и ее отношением к своей внутренней свободе;
- проследить преемственность советской и дореволюционной русской культуры в аспекте эволюции ограничения;
- выявить специфические формы ограничения, выработанные советской культурой на материале художественного сознания (литература), политического (программные документы) и философского сознания («дискуссия об идеальном»).

Положения, выносимые на защиту:

1. Некоторые культуры целенаправленно ограничивают спонтанное развитие духовности, переживая деятельность по изменению ценностной основы культуры как отрицательную ценность. Эти культуры формируются в тяжелых (относительно их практических возможностей адаптации преобразования среды) природных и геополитических условиях, в которых необходимо быстрое социокультурное взаимодействие субъектов на основе относительно простой и стройной картины мира.

2. Феномен ограничения позволил русской культуре мобилизовывать огромные человеческие и материальные ресурсы, вследствие чего природные и геополитические угрозы стали менее устрашающими и традиционные формы ограничения утратили свою актуальность. Поэтому духовная привычка к ограниченности вступила во внутренний конфликт со стремлением к развитию познания и духовной деятельности. Он был отчасти разрешен в результате революции.

3. Советская культура стала особым этапом развития русского отношения к творчеству: концепт ограничения любой творческой деятельности она сменила парадигмой активного познания и проектного творческого изменения избранных фрагментов картины мира. Это стало условием развития новых познавательных способностей русской культуры, в связи с кото-

рыми необходимость в строгой ограниченности отпала, что стало одним из социокультурных оснований приостановки советского проекта вообще.

Работа содержит **научную новизну** в нескольких моментах.

1. Предложен способ классификации культур по их отношению к свободе духовности, и в особенности познания. Предполагается, что существует два типа культур, которые различаются по тому, насколько они ограничивают спонтанность наращивания принципиально нового знания, и следовательно, свободу духа вообще.

2. Предложен концепт механизма духовности, в котором возникают границы, проведено различие и классификация «естественных» (природных возможностей) и «искусственных» (культурных возможностей и средств) факторов, ограничивающих развитие культуры и формирующих ее отношение к спонтанной творческой деятельности. Проведено различие характеристик процесса познания в двух предлагаемых типах культур.

3. Исследовано взаимное влияние природных, геополитических и социо-культурных условий развития русской культуры, выявлена их связь в формирующем духовность взаимодействии.

4. Сущностные характеристики одного из типов культур раскрыты на материале памятников советской духовности. С точки зрения универсальных концептов ограничения духовной деятельности, исследованы советский производственный роман и советский политический текст.

5. «Дискуссия об идеальном» концептуализирована как специфический феномен ограниченности советской культуры, а каждая из позиций дискуссии соответствует определенному требованию ограничения познания или спонтанного изменения содержания духовности

Теоретическая и практическая значимость проведенного исследования заключаются в том, что его результаты могут быть использованы, во-первых, для общего развития философских представлений о культуре, благодаря рассмотрению бытийственности через призму нового, предельно всеобщего ключевого аспекта ее бытия – стремлению к свободе познания и творчества. Этот способ понимания культуры может быть использован как для понимания процессов связи рационального и чувственного в массовом духовном бытии, так и для создания новой типологии культур.

Во-вторых, положения работы могут способствовать преодолению стереотипного, одностороннего понимания духовности культуры с традиционных позиций безусловного стремления к свободе.

В-третьих, для разработки учебных курсов по философской антропологии, философии культуры, социокультурной антропологии, культурологии, аксиологии, философии природы, истории русской культуры и т. п.

Апробация работы. Основные положения и результаты диссертационного исследования обсуждались на межвузовском аспирантском семина-

ре кафедры философии ОмГПУ и были изложены в ряде публикаций и выступлений: на V Российском философском конгрессе (Новосибирск, 2009) и конференции «Восток – Запад: проблемы взаимодействия. История, традиции, культура», посвященной памяти профессора А. В. Эдакова (Новосибирск, 2007).

Структура и объем работы. Диссертационное исследование состоит из введения, трех глав, заключения и списка литературы, включающего 137 наименований. Работа изложена на 187 страницах.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность темы исследования, характеризуется степень ее разработанности, формулируются цель, задачи, методологические основания и научная новизна диссертационной работы, ее теоретическая и практическая значимость.

В первой главе диссертации «**Граница в развитии культуры**», предложена типология культур по их отношению к свободе познания и выбору предметов исследования. В первом параграфе «**Граница в культуре**» предполагается, что существуют открытые («фабульные») культуры и закрытые («нюансные») культуры. Первые свободно познают широкий круг проблем, спонтанно создавая их, вторые подробно разрабатывают проблемы строго определенного круга, стремясь сохранять непротиворечивость и однозначность картины мира.

Анализ существующих типологий культур показывает, что назрела необходимость в разработке концепции, которая была бы построена на рассмотрении феномена, имеющего универсальное философское значение и в котором напряженно соединялись бы интеллектуальные, эмоциональные и волевые акты культуры. Предполагается, что таким феноменом является свобода духовной деятельности, так как она одновременно зависит от интеллектуальной возможности преодоления границы, эмоционального самоощущения допустимости свободы и возможности волевого напряжения.

Первичный мотив ограниченности деятельности в том, что культуре необходимо практически продолжать свое существование в условиях тотального внешнего хаоса, и для этого она должна быть способна к мгновенной мобилизации существенного объема человеческих ресурсов. Для координированного противостояния вызовам культура создает запрет на критику своих ценностей. Культура не может бесконтрольно наращивать знания о мире и о себе, так как неограниченные и неупорядоченные знания будут неизбежно разрушать действующую картину мира.

Отношение культуры к ограничению познания детерминировано тремя группами факторов: природными (климат, ландшафт), социальными (уровень конкуренции, способность к самоорганизации) и духовными (развитие интеллекта, мнение духа о себе). Эти факторы ограниченности действуют двояко с одной стороны, погружают культуру в ситуацию практических культурных рисков, а с другой – детерминируют ее развитие: через саму практическую необходимость ограничения и обобщение опыта повседневной деятельности, которая ставит перед духовной культурой задачу выработать интеллектуальные и эмоциональные способы взаимодействия с реальностью. В смысле гносеологического развития большое значение имеет разнообразие природных форм и характер геополитического противостояния – значительное разнообразие побуждает объединить группы объектов в абстракции, постоянная конкуренция с соперником с известными характеристиками – мыслить о мышлении другого и о своем мышлении.

Ограниченность есть продукт взаимодействия внешних условий с внутренними, субъектными качествами культуры, судьбы с ее способностями. Две разные культуры с различным уровнем развития своих способностей к управлению природой и общностью индивидов справятся с означенными выше природными угрозами совершенно по-разному, и вследствие этого по-разному ограничат свою духовность. Таким образом, граница одновременно и качество способности действовать в данной среде, и вытекающая из нее ограниченность действия.

Важный аспект ограничения духовной деятельности состоит в стремлении ограничить страдание, которое порождается в живой духовности во время осмысления мира и себя, генерирования некоторой «самооценки» или «самоощущения» и непосредственного действия в мире. Здесь культура стремится прекратить то, что разрушает ее символически, то, что является для нее тем или иным образом страха духовной слабости, символом страдания и возможности смерти.

Теоретически процесс ограничения представляет собой систему действий с четырьмя основаниями. Сущность границы состоит в том, что она одновременно существует как, во-первых, объективная норма и ценность вне субъекта, довлеющая над ним; во-вторых, потребность культурного субъекта в ином, находящемся вне границы, но, в-третьих, при этом и как реальная неспособность культурного субъекта преодолеть границу. Кроме того, если речь идет о субъекте, то она существует и как его представление о своей неспособности преодолеть границу, и как ощущение комфорта в рамках границ.

Будучи и практически, и духовно заинтересованными в конечном и максимально полном знании узкого круга капитальных проблем, культуры разрабатывают их предельно подробно, стремятся знать в мельчайших ню-

ансах. Примерам «нюансного» отношения к знанию могут служить Средневековая европейская и Советская культуры.

Свободные «фабульные» культуры, позволяют себе свободно переходить к любой новой теме или области знаний, но не исчерпывают ни одну из них, лишь намечая фабулу возможного движения мысли. Примерами таких культур могут служить античная и нововременная европейская.

Ограниченные культуры имеют общий ряд характеристик духа, наиболее фундаментальным является онтологический монизм как стремление к единству мира и представления. То, что ограниченная культура сумела сделать с собой, то, как сумела самоорганизоваться, тот ограниченный и величественный смысл, которым она наполнила мир, кажется культуре невозможным к происхождению из человеческого, из посюстороннего. Телеологический сценарий ее жизни столь гармоничен, что не может вырастать из хаотического мира. Управление миром из самих его собственных сил кажется человеку невозможным. Однако в результате его творчество оказывается достигающим результата. Синтетика ограничивающей коллективной культурной интуиции и мира тотальных, доминирующих угроз и восторгов порождает представление о том, что культурой и миром управляет что-то несравненно более великое, чем человек и мир. Это нечто большее кажется действующим согласно замыслу и разуму, так как сам человеческий разум сконцентрирован на том, чтобы найти в бесконечно значительных, потрясающих его событиях нечто разумное.

Граница познания – лишь часть общей ограниченности духовности, которая раскрывается в трех взаимосвязанных аспектах: эпистемологическом, онтологическом и экзистенциальном.

Во втором параграфе «**Преодоление границы в духовной культуре**», ограниченность представлена как двойственный феномен. Она одновременно стремление культуры к ограничению (любовь к границе) и потенциальная возможность ее снятия (ненависть к границе), т. е. вопрос самопреодоления. Вопрос преодоления этого противоречия есть вопрос активной рефлексии и борьбы. Здесь граница выступает фактором развития культуры в нескольких смыслах. Граница может побуждать культуру к развитию умозрительного, так как сама тема недоступна, может быть достигнута только в представлении.

Требование преодоления границы может быть связано с ощущением собственной силы, с тем, что культура готова встретить мир со всеми его опасностями открыто, в многообразии своих потенциальных отношений к нему. Но для этого культура должна ясно представить не только собственный потенциал, но и потенциал мира и себя в отношении к нему, взглянуть на систему «культура-мир» «со стороны», т. е. в своем планирующем абстрактном мышлении с отчужденной субъективностью. В этой области мир

может быть укрощен культурой, может быть предсказан и сделан «своим», управляемым внутри отвлеченного мышления, дух должен получить интеллектуальный дубликат мира, на основе которого возможно реальное преобразование внешней среды.

Как фактор развития граница духовной деятельности побуждает обойти ограничение, противодействовать ему, а значит, усложнять интеллект и оттачивать его в сложном взаимодействии с реальностью; иметь способность комбинировать конкретные смыслы, целенаправленно и отчетливо, возможно, даже с осознанием метода, синтезировать схемы «обмана» границы, быть более «хитрой». Граница призывает выработать иносказательность, культуру намека, культуру мышления о мышлении другого в реальных, социо-культурных отношениях.

Однако реальное преодоление ограничения возможно не всегда, поэтому ограниченные культуры приходят к представлению об объективной сверхреальности, некоторой коллективно-исторической интуиции, которой принадлежит истинное бытие и которой культура делегирует управление своей судьбой. Это мир твердых абстрактных законов или художественных ценностей, в который культура уходит от хаоса текущего мира, в котором она находит возможность логического суждения или запрещенного эмоционального. Сверхреальность обладает гораздо более ясными чертами, чем чувственная реальность, так как последняя хаотична, не несет в себе определенного образа. Вследствие этого сверхреальность даже более «реальна», чем мир чувственных данных.

Во второй главе «**Ограничивающие факторы в развитии русской культуры**» построена модель взаимодействия внутренних и внешних факторов, которое обуславливают ограничение познания в русской культуре. Ограниченность раскрыта как многофакторный процесс, в котором граница порождается тремя группами факторов: природных (условия климата и ландшафта), социо-культурных (способности культуры самоорганизовываться и преодолевать факторы среды) и духовных (знание культурой себя в том или ином качестве по отношению к границе, ее «радость границы», привычка к ясности картины мира внутри границы).

В первом параграфе «**Природно-географические факторы ограниченности**» сделан сравнительный анализ условий развития русской и европейской культур.

Климатический фактор выступает первичной причиной ресурсной ограниченности творчества. Сравнительно низкая эффективность материального производства в условиях среднерусской равнины не оставляет излишков времени и сил для свободной творческой деятельности ради нее самой, для обращения духа к самопознанию и к абстрактному вообще.

Практическая необходимость концентрации энергии и повышения скорости управления ведет к установлению границы свободного творчества, и культура достигает единства, позволяющего управлять реальностью. При этом природа не дает ресурсов для того, чтобы у осваивающей ее культуры появились лишние творческие силы, которые бы могли использоваться для свободного саморазвития.

Простое ощущение физического покоя, смена холода теплом, а зимы весной, переживаются человеком, борющимся с суровой зимой, в качестве радости сами по себе. В мягком климате, который меньше угрожает жизни или не угрожает ей вообще, не сковывает весь комплекс телесных потребностей, этой радости недостаточно: она есть само собой разумеющееся, норма. Русское мироощущение слишком сконцентрировано на примитивном телесном удовольствии, его физическое самоощущение обострено, так как в любой момент может быть изменено или вообще потеряно. Поэтому абсолютной становится и антитеза дефицита телесной радости – простой физической покой и оргиастичность.

Следующим природным фактором выступает открытость среднерусской равнины непредсказуемым геополитическим коммуникациям. Внешняя агрессия против русской культуры повторялась многократно, но имела элемент хаотичности, она не была достаточно предсказуемой, не ограничивалась никакими естественными препятствиями или постоянными локациями соседей. Вероятно, в том числе это заставило культуру иметь возможность быстро концентрировать ресурсы для борьбы с внезапной угрозой. Европа гораздо менее доступна случайным вторжениям, так как с трех сторон защищена от них морем, а с четвертой – Россией.

Отсутствие предсказуемой конкуренции с высокоразвитыми культурами, отсутствие сильных и полезных в культурном смысле претендентов на Россию как на территорию и культуру, отсутствие внешних источников моделей определенностей и опыта логики ставит культуру в ситуацию затруднения в практическом обладании миром и в ситуацию осложненного духовного самообладания.

Европейская культура существует в природных условиях, которые, с одной стороны, позволяют ей высвобождать излишки сил и времени для творчества и саморазвития, с другой стороны, вынуждают находиться в ситуации постоянной конкуренции с, как правило, известным и прогнозируемым соседом. Необходимость предсказывать его действия и постепенно выводимая из практики стабильности вызова среды вера в возможность такого предсказания приводит в европейской культуре к развитию абстрактного аналитического мышления, развитию проективных и реализаторских способностей, которые, с одной стороны, необходимы, а с другой стороны, их модели могут быть взяты из закономерной и стабильной реальности. Необ-

ходимость мыслить о мышлении противника понуждает к необходимости мыслить и о своем мышлении, а значит, об общих принципах мышления вообще.

Во втором параграфе **«Социокультурные факторы ограниченности»** под собственно социальными факторами понимаются два ключевых качества культуры: способность к политической самоорганизации и способность к развитию личности и культуры за счет условий коллективного бытия на уровне практического поддержания жизни.

Первым общественным фактором ограниченности русской культуры выступает относительно низкая социальная конкуренция. Благоприятные природно-географические условия Европы ведут к быстрому росту населения, которое, в отличие от России, вынуждено распространяться на одной и той же, ограниченной территории. Постепенно нарастающая нехватка земли и ресурсов ведет к высокой социальной конкуренции, которая выступает как дополнительная мотивация к непрерывному личностному совершенствованию, задает интуитивный концепт необходимости постоянного прогресса как способа выживания.

Исторически русская ограниченность наступает, по видимому, после относительно широкого проникновения в Россию западных «технологий» в XVII в., которое, наряду с необходимостью строительства централизованного государства, привело к развитию образования («учебник Бурцева» и т. п.). Это означало, что относительно более широкий ряд субъектов становился как минимум неконтролируемым переносчиком информации, а в перспективе они обретали способность к рефлексии и непредсказуемому изменению своей субъективной реальности и субъективной реальности других, что грозило выпадением из необходимо жесткой системы общественного управления. Ограниченность эволюционирует от народного настроения в XVII в., выраженного в специфике характеров героев сказок, до специализированного общекультурного и государственного проекта по преодолению некоторых границ развития культуры, который не мог быть реализован без введения новой ограниченности духовной деятельности.

В России ничто социальное не может быть основано на формализованном договоре между индивидами, он просто бессмысленен, так как резко изменившиеся условия сделают усилия по его созданию тщетными, а сам договор – вредным. Построенная на интуитивном приспособлении к обстоятельствам, русская социальность не может быть вмещена активной действующей социальной индивидуальностью, которая так или иначе стремится все вместить в конечные абстрактные схемы, все осмыслить. Русская духовность переживает себя социально и самоорганизационно ничтожной, как способ ограниченности, как способ невмешательства в святую, кажется, рождающуюся вопреки обстоятельствам, жизнь культуры.

В третьем параграфе «**Духовные факторы ограниченности**» ограниченность представлена как не только практическое функциональное требование, не только набор способностей (или неспособностей) организации реальности, побуждающих к централизации жизненных интенций и ограничению деятельности. Жизнь культуры никогда не ограничивается чистым функциональным биологическим выживанием. Дух культуры есть не просто содержание культуры, но основа ее страдания и удовольствия.

Ограниченность духовной деятельности есть снятие переживания хаоса духом, наращивание чисто духовного ощущения определенности, снятие страдания незнания своей судьбы, ненадежности своего существования. Здесь лежит ответ на один из центральных вопросов Н. А. Бердяева: почему самый анархический народ так покорен бюрократии, почему свободный духом народ как будто бы не хочет свободной жизни?

Недоступная к осмыслению реальность ставит русскую мысль перед ужасающим «ничто» неизвестности, необъяснимого. Поэтому дух уходит в себя, становится своим только для себя, создает чисто духовные границы самоотречения, чтобы достигать движения в себе, которое связано с напряжением запрета, с желанием достичь недостижимого, с загадкой того, что за границей. Это онтологический эскапизм русской духовности, который сам создает себе границу и запрет, чтобы преодолевать ее внутри духа, а не в пугающей и неуправляемой реальности.

Концепты новой, целенаправленной и отчасти осмысленной ограниченности как инструмента преодоления прошлых границ советской культуры вскрываются в третьей главе диссертации – «**Специфика культурных ограничений советского периода**».

В первом параграфе «**Революционный путь преодоления русской ограниченности**» высказано предположение, что традиционная ограниченность познания и изменения ценностной системы в русской культуре в некоторый момент вступила в конфликт с ощущением нарастающей интеллектуальной силы и ощущения возможности преодоления любых практических трудностей. Эти возможности появились в результате накопления огромных материальных и человеческих ресурсов и развития способности к их мгновенной мобилизации. Распространяющееся образование на фоне многовековой практики эскапистской самообращенности в стихийно-интуитивные духовные изыскания привело к мощнейшему рефлексивному процессу, который силился выйти из противоречия собственного могущества с собственной неспособностью осмыслить реальность, собственной ограниченностью. Это противоречие должно было завершиться тотальным отказом от мира, в котором невозможно разобраться, и стремлением строить новый мир в пустоте, сообразно чистому и логичному проекту мышления. Выходом из противоречия стала революция 1917-го года. Для того чтобы иде-

альный проект мог воплощаться четко и полно и чтобы утвердить русскую духовность в ощущении возможности реализации идеального, объективная действительность и субъективная действительность культуры должны были быть ограничены и упрощены.

Во втором параграфе «**Образы границы в советском «производственном романе»**» проведен анализ содержания концептов ограниченности в официальной художественной литературе СССР 1950–1970 гг. В нескольких классических романах обнаружены сходные концепты, связанные с необходимостью ограничивать природное вообще и природно-аффективное начало в человеке в частности. Роман не содержит никаких «идеальных» героев, бывших такими изначально. Коммунистический герой должен самоограничиться, должен преодолеть себя, ограничив развитие и значимость части своей антропологии. Противостояние технологически-рационального и природного достигает мирового масштаба в романе Д. Гранина «Иду на грозу», когда в производственную систему должно быть встроено не только все земное, но и старые символы небесного – молния и гроза.

Природная стихия раскрыта в романе как граница возможностей и как фактор несвободы персонажа и общества. Требование возможности управления стихией крайне устойчиво в советском романе и, видимо, является проявлением более общего мотива необходимости управления реальностью. Характеристики неупорядоченного хаоса природы всегда резко отрицательны, поэтому природа вписывается в типичную для официального советского искусства концепцию внешнего врага. Эта концепция содержит два образа: врага-человека и врага-природы.

Процесс преодоления исторически сложившихся ограниченностей существует в двух вариантах: в первом преодолеваются внутренние границы возможностей героя, причем к таким относится все, что не функционально относительно достижения цели; во втором внутренняя граница уже снята или не существовала вообще, тогда общая идея границы выносится за рамки антропологии и реализуется в образе внешней границы – врага, природы или прошлого.

Для образа прошлого в романе характерно отсутствие всякой ясной причинности событий и, следовательно, всякой возможности проекта собственных действий у персонажей. Деревенское прошлое исключается из предлагаемой к построению модели; оно же позиционируется в качестве одного из «обвиняемых» в неуспехе ее реализации. Деревня выступает лишь одним из символов зависимого от слепой природы прошлого.

Концепт ограничения эмоционально-чувственных и аффективных актов культуры выражается в том, что «точные науки» в романе не только доминируют над гуманитарными областями знаний, но и вытесняют их. Эмоционально-отрицательный мотив частичности, несвязанности отдель-

ных мест преодолевается за счет введения глобальных коммуникативных систем, прежде всего железной дороги, которая, помимо средства связи, выступает и как пример предельной упорядоченности и четкости действий. Дорога превращает страну из набора самостоятельных мест в страну-систему, выступая символом ее реального единства.

Преодоление тех границ, которые можно было бы назвать естественно-непреодолимыми для человека, приводит к формированию образа советского «сверхчеловека». Одна из образных вариаций советского сверхчеловека отражена в художественном концепте человека-машины.

Реальность советского производственного романа не является набором самостоятельных элементов, она подчиняется общей, почти метафизической закономерности развития. Часть этой закономерности – ясная конечная цель, это очевидно, если рассматривать советскую культуру в ее проектном аспекте. Фундаментальный социокультурный проект предполагает в качестве цели фундаментальное изменение реальности, причем не только в отдельных ее проявлениях, а полностью. Это изменение не есть даже сумма изменений элементов, а изменение самого принципа их совместного существования, их структурирования. Конечная цель деятельности – построение «царства свободы».

Модель прошлого фигурирует в романе в форме соотношения «идеи прогресса» и «идея оправдания». Советское общество неизбежно прогрессирует, но пока не может добиться полного успеха, что оправдывается действиями врагов и «тяжелым наследием», которое заключается в модели стихийного, природного прошлого общества. Прошлое олицетворяется образом ретрограда. Действие положительного героя – прежде всего интеллектуальное моделирование, действие ретрограда – длительный эксперимент. Герой стремится конструировать систему, ретроград разрушает ее частными результатами.

Борьба двух моделей прошлого, «героического» и «стихийного», вполне закономерно приводит к борьбе этих двух областей реальности в настоящем, жизнь стихий существует как оправдание наличных проблем. Диалектика этой борьбы в том, что образ героической среды положителен только потому, что противоположен образу стихии; героика не может сочетаться с новой, системной реальностью, так как героизм только индивидуален и потенциально разрушителен для системы. Героизм положителен как внутреннее стремление к героизму, но отрицателен в случае его объективации, в случае необходимости проявления героизма, так как героизм есть следствие отсутствия действующей системы управления реальностью.

Важная черта советского романа – стремление к общему унитаризму и четкости смысловых границ. Унитаризм романа предполагает инвариантность следствий из некоторых посылок, постоянство логики развития со-

бытий. Такой подход необходим при конструировании фабулы для заранее предполагаемого итога. Все события, имеющие понятные причины, детерминированы разумными и даже проектными действиями положительных героев; все, происходящее случайно, происходит «почему-то», находясь вне принятой, проектной обусловленности. Любые случайности имеют негативную оценку наряду со всем тем, что не включено в сферу человеческой деятельности, в основе которой лежит управление средой. Максимальная точность образов героев, жесткие причинно-следственные связи событий, соподчиненность разных сфер деятельности – все это относится к следствиям особого типа духовности советской культуры.

В параграфе третьем **«Ограниченность и ее преодоление в политической культуре СССР»** проанализирован текст III Программы КПСС. Этот политический текст является знаковым для советской культуры, которая уже успела почувствовать значительные результаты ограниченности – свободу от старых, стихийных ограниченностей внутри новых, искусственных и отчасти даже рациональных.

Текст показывает, что советская культура отрицает возможность реально неразрешимого противоречия и требует окончательного вывода, секвестрирует индивидуальное и любые возможности возникновения уникального в индивидуальной антропологии. Всеобщее образование, система дошкольного образования становятся важной частью системы производства новой духовности.

Художественность стилистики документального текста также говорит о том, что советская культура относится к себе и своему проекту эмоционально-напряженно, что она переживает его как свою живую жизнь, а не только как просто практику чистого управления.

Центральный сюжет III Программы партии – развитие техносферы как инструмента культурного строительства. Именно техника может эффективно и быстро ограничивать и разрушать природу, она же демонстрирует духу его способность к эффективному взаимодействию с рационально-практическим; культура берет образцы логических последовательностей из опыта освоения техники. В этом смысле техника – воспитательное средство советской культуры, образ, имеющий набор качеств для подражания; образец человеческого блага, благодаря соотношению с которым в человеке преодолевается природное. Русскому мышлению необходимо что-то внешнее, с чего можно снять закономерность, он помнит о своем эскапизме и не доверяет своей субъективности как источнику идеального. Он хочет отнестись к природе с позиции равнодушной техники, разделить и расчлнить ее, ограничить ее, прекратить ее стихийность.

Культурное пространство страны моделируется по образцам огромного производственного предприятия в духе концепции Ф. Тейлора как

в смысле производства материальных, так и духовных ценностей. Советская духовная культура взята здесь в длительности перехода от ограниченности к свободе, который возможен благодаря тому, что ограниченность выполнила свои функции и преодолела старые границы способностей русской культуры.

В развитии транспорта, по крайней мере в практическом аспекте, снимается бердяевская «власть пространств» и расстояний над русской душой, каждый человек чувствует страну потенциально своей, она может сделаться доступной, человек может быть хозяином всей земли в целом, знать ее как гражданин, он перестает быть прикрепленным расстоянием к своему месту.

Советская политическая культура гордится тем, что первой символически преодолела тотальные границы своей замкнутости в конечности планеты, в принадлежности к вечному движению духа в воображении бесконечного космоса; это движение предоставляет перспективу бесконечного исследования чего-то совершенно нового, не имеющего символической и стилистической связи с посредственностью прошлого своей истории. По сравнению с реальной бесконечностью космоса, пространства своей страны уже не кажутся ни бесконечными, ни подавляющими пустотой.

Одна из знаковых концепций политического текста – концепция советского бессмертия. Великий пафос личного, сверхудовольствия от реальной жизни позволяет отказаться от стремления к личному бессмертию. Мощный поток событий, идей, фантазии и всякой динамики субъективной реальности снимает страх встречи с «ничто», так как советский человек в принципе перестает представлять, что такое «ничто», дух никогда не оставляется наедине с пустотой. В сращении духа с реальностью у советского человека пропадает острота переживания ничто, неизвестности.

После восторга смелого овладения миром и собой душе уже не нужна «какая угодно» вечная жизнь. Земная жизнь должна стать настолько интенсивной, что после нее уже не требуется никакого продолжения, она должна уместить в себя все возможные ощущения, советский человек должен настолько устать от всякого содержания, чтобы он перестал зависеть от загробной жизни «Ничто» смерти он может пережить как долгожданный покой. Потусторонний мир, мир ирреальных возможностей наступает для советского человека наяву, и приобщившись к раю земному, ему уже не жаль не попасть в рай небесный.

Советский человек заботится о бессмертии своих идей, своего имени, своего содержания, а не своего сознания или души, он жив в этих общественных символах, они и есть его реальная жизнь, более надежная и реальная, чем жизнь индивидуальной души.

В результате многообразного ограничения областей и методов познания советская культура приобретала интеллектуальные методы освоения

реальности и свободу от страха перед хаосом в рамках границ упрощенной культуры. Концепты этих ограниченностей столь часто встречаются в памятниках духовной культуры СССР, что она вообще может быть названа культурой ограниченности, но ограниченности, которая создана для ощущения свободы и для итогового движения к свободе как отсутствию ощущения необходимости искусственных границ.

В четвертом параграфе **«Советская духовность в споре об идеальном»** раскрыта ситуация ограниченности познания в советском мышлении о всеобщем. Преодолевая хаотическую многофакторность бытия в ситуации строительства нового мира и нового знания о мире, советская культура ограничивает познание, с одной стороны, концентрируясь на разработке узкого круга предельно важных проблем в ситуации тотальных социокультурных рисков, а с другой – не подрывая нарождающуюся веру в свои интеллектуальные силы постоянным и бесконтрольным изменением картины мира. Центральный сюжет картины советского мира – роль и место идеального как принципиально нового и важного для советской культуры, стремящейся к рациональному оформлению реальности и ставящей перед собой задачи формирования «нового типа человека», т. е. в том числе нового типа идеальности.

Требования ограниченности обнаружены во всех трех позициях спора, в их центральных тезисах. Э. Ильенков предлагает считать подлинно идеальным содержание, коллективно, принудительно и нормативно поставленное в сферу идеалопостроения обществом и имеющее универсальное, надличностное значение. М. Лифшиц видит идеальное производным красоты объективного закона природы, который есть единственное, что может дать образец строгой истины и восхитить своей непреложностью настолько, что человек будет очарован самой идеализационной работой, станет человеком, доверяющим идеализации. Д. Дубровский сводит идеальное к деятельности мозга и нервной системы.

За обоснованием физиологического детерминизма идеального у Д. Дубровского легко может последовать требование разработки методики чисто научного, физического управления идеальным или, по крайней мере, изменением некоторых параметров идеального; здесь теоретическое и практическое образуют гармонию единства. Такая возможность удовлетворила бы целому спектру интенций советской культуры, от предельной управляемости общества до попытки создания нового типа человека, человека с неограниченными возможностями формирования по крайней мере некоторой части субъективного.

Центральная идея Э. Ильенкова – символическая редукция идеального: критерием подлинности (а значит, жизнеспособности в данной культуре) идеального является его выразимость в общественно значимом знаке. Со-

держание, выраженное в знаке, отчуждено от темной, закрытой субъективности индивидуального и доступно общественному рассмотрению. Чтобы знак считался знаком, он должен соответствовать доминирующим герменевтическим установкам и вообще «духу времени» как в смысле его непосредственного содержания, связанного с формой, так и в смысле его абсолютного содержания, связанного с «духовным заказом» эпохи на выражение в знаках определенного типа содержания. Значит, и индивидуальность, вовлеченная в процесс трактовки знаков и создания знаков, должна открыть себя «духу эпохи» и стать его проводником иначе она будет замкнута в себе и отчуждена. Индивидуальность заинтересована выразить в знаке только то общественно важное, в котором советская культура стремится найти черты своей общей модели, свою «идентичность», поэтому мотивирована искать эту «идентичность» и в себе. Советская культура стремится создавать мощные комплексы материальных памятников не только потому, что материя максимально фиксирует и упрощает их содержание, но и потому, что в принципе материя подтверждает, что поскольку на воплощение этого знака затрачены материальные усилия и ресурсы, значит, он в высшей степени достоин воплощения, является образцом строго необходимой знаковости.

Все три автора ищут единство гносеологического и онтологического аспектов категории идеального. Суть единства сводится к тому, что все существующее достоверно познаваемо, а все непознаваемое не существует. Не существовать для ограниченной культуры, стремящейся к абсолютному познанию, значит не обладать сущностью, не соответствовать какой-то известной идее, быть не вполне понятно чем для ищущей своего образа культуры, и значит, не быть возможным к воплощению в знаке.

Во всех трех концепциях идеальное выводится как причинно-следственная связь из принципиально внешнего индивидуальному идеальному – общества или физиологии. Идеальное как бы лишено индивидуальной духовности, оно не принадлежит внутренней свободе человека или сложной системе «человек-общество», в которой идеальное существенно зависело бы от обеих частей системы.

Каждый участник дискуссии стремится выработать абсолютно непротиворечивую систему идеального, и даже не столько его бытия вообще, сколько его возникновения и зависимости с тем, чтобы идеальное могло быть управляемым, могло стать производственным процессом. Концепты ограниченности обнаруживаются и в косвенных мотивах полемики – крайнем радикализме позиций, принципиальном недопущении возможности синтезности этих позиции, а также некоторых логических приемах, благодаря которым спор об идеальном и реальном начинает иметь общие моменты со средневековой схоластикой.

Советский философ подчеркнуто бережно относится к идеям вообще, защищает строгие границы смыслов своих идей, словно помня прошлую безыдейность и идейную беспринципность своей культуры, словно наконец открывшийся четкий образ мира очень дорог ему. Он боится потерять его в смешении с концепциями конкурентов, уступками обесценить твердость смысла и право утверждать что-то непротиворечивое и всеобщее как новые ценности мышления вообще.

Ограничение познания и высказывания приводит советский дух к выработке иносказательного языка и даже метаязыка, где все высказывания говорят об обратном, о том, что здесь обязательно должно быть, но чего нет. В ограниченной культуре все более или менее четко понимают, что ограничено, все понимают, чего хочет узнать другой. Это стремление к максимальной полноте и напряженности смыслового содержания, неприятие пустоты границы есть свидетельство определенного прогресса советской ментальности.

Корень русской иносказательности не только в запретности выражения разрушающего единство излишнего знания. Истину невозможно выразить точными символами, слова не могут отразить глубину переживания преодолевшего себя духа, по-прежнему уверена советская культура. В жизни русской культуры слишком сильна роль феноменов, для которых либо еще нет имен, либо определенных имен для них не может быть вообще; возможно, пока слишком слабы ее способности именовать. Намеками и подчеркнуто неуместным «молчанием» она просто указывает на то, о чем стоит думать, что нужно представлять во всех возможностях.

В **заключении** фиксируются основные результаты диссертационного исследования, выносимые на защиту.

Основные положения и результаты диссертационного исследования отражены в следующих публикациях:

Публикация в научных изданиях, рекомендованном ВАК РФ:

1. Лобанов, Ю. С. Границы советской культуры в дискуссии об идеальном // Омский научный вестник. Серия // Общество. История. Современность. – № 4 (99). – 2011 – С. 103–106.
2. Лобанов, Ю. С. Ограниченность советской духовности в материалах XXII съезда КПСС // Мир науки, культуры, образования. – Горно-Алтайск, 2011. – № 4 (29). – С. 258–261.
3. Лобанов, Ю. С. Феномен ограниченности культуры как инновационный аспект содержания образования // Философия образования. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2009. – № 3. – С. 62–70.

Статьи, доклады, тезисы в других научных сборниках и журналах:

4. Лобанов, Ю. С. Феномен ограниченности духовной деятельности // Материалы V Российского философского конгресса. – Новосибирск, 2009. – Т. II. – С. 301.

5. Лобанов, Ю. С. Проблема границы в советском производственном романе // Вестник Омского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. Выпуск 2007, URL: <http://www.omsk.edu/>.

6. Лобанов, Ю. С. Концепция преодоления границы в политической культуре СССР // Аспирантский сборник НГПУ – 2007 (По материалам научных исследований аспирантов, соискателей, докторантов): в 2 ч. – Новосибирск: Изд. НГПУ, 2007. – Ч. 2. – С. 27–37.

7. Лобанов, Ю. С. Образы границы в советском производственном романе // Аспирантский сборник НГПУ – 2007 (По материалам научных исследований аспирантов, соискателей, докторантов): в 2 ч. – Новосибирск: Изд. НГПУ, 2007. – Ч. 1. – С. 103–114.

8. Лобанов, Ю. С. Проблемы исследования границ духовной деятельности // Восток-Запад: проблемы взаимодействия. История, традиции, культура: материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти профессора А. В. Эдакова: в 2 ч. / отв. ред. К. Б. Умбрашко. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2007. – Ч. 1. – С. 57–58.

Подписано в печать 25.11.2011. Формат 60 x 84/16.

Бумага офсетная.

Печ. л. 1,5. Уч.-изд. л. 1,5.

Тираж 100 экз. Заказ И 030

Издательство ОмГПУ

Отпечатано в типографии ОмГПУ,

Омск, наб. Тухачевского, 14, тел/факс (3812) 23-57-93

